

В. П. СТЕПАНОВ

НОВИКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ
(Биографические уточнения)

1

О Владимире Игнатьевиче Лукине, одном из самых деятельных литераторов 1760-х годов, известно не слишком много. Наиболее обстоятельными работами, посвященными ему, продолжают оставаться написанная сто лет назад работа А. Н. Пыпина и монография П. Н. Беркова, поневоле ограниченная рамками научно-популярного жанра.¹ Между тем Лукин заслуживает большего внимания, чем ему уделяется в современной науке. Его литературно-полюемическая деятельность и даже биография переплетаются с судьбами писателей 1760-х годов, не говоря уже о значении творчества Лукина для становления национальной драматургии.

Частная жизнь Лукина в значительной мере всегда восстанавливалась по косвенным источникам. Картина враждебного отношения к Лукину современных литераторов, например, обычно воссоздается на основании сатиры молодого Княжнина «Бой стихотворцев», полемических статей в «Трутне», по письмам и мемуарам Фонвизина.

Литературную деятельность Лукин начинал вместе с Фонвизиним. Биографам Фонвизина известно архивное дело о его переходе на службу в канцелярию И. П. Елагина.² Фактически он «обретался» при ней с 7 октября 1763 г., продолжая числиться переводчиком Коллегии иностранных дел. Официально он был зачислен в штат Кабинета одновременно с Лукиным. 3 декабря 1764 г. Екатериной II в Царском Селе был подписан составленный Елагиним доклад о производстве чиновника «штата» К. Г. Разумов-

¹ Исследование Пыпина помещено в качестве вступительной статьи при издании «Сочинения и переводы В. И. Лукина и Е. Б. Ельчанинова» (СПб., 1868); здесь же напечатаны документы о Лукине, собранные П. А. Ефремовым; см. также: Берков П. Н. В. И. Лукин. М.—Л., 1950 (Русские драматурги. Научно-популярные очерки).

² Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 293.

ского В. И. Лукина в кабинет-секретари, а Фонвизина — в титулярные советники с жалованьем обоим из Кабинета по 500 рублей в год. Из списков Коллегии иностранных дел Фонвизин был выключен 8 декабря того же года.³ Это произошло после первых театральных успехов Лукина и Фонвизина в связи с представлением «Ревнивого, из заблуждения выведенного» и «Кориона». Елагин чисто бюрократически объединял под своей рукой людей близких литературных взглядов.

Единство елагинского кружка было недолгим. Дальнейшие пути независимого дворянина Фонвизина и служилого литератора Лукина и в литературе и в жизни оказались глубоко различными.

В третий год службы у Елагина Лукин подал прошение на высочайшее имя. «Службу мою, всемилостивейшая государыня, — писал он, — продолжал я пятнадцать лет; и быв подпоручиком, служил в трех походах в прусскую войну с должным усердием.⁴ И наконец настоящий мой чин получа и чтя его великою для себя милостию, вечно и с сердечным желанием продолжал бы я службу мою, но непредвидимый для меня гибельный случай лишает сего удовольствия. В три года каждую зиму случившиеся одипакие болезни учинили меня к трудам, с должностию моею сопряженным, вовсе неудобным». В связи с этим Лукин просил «об увольнении от службы; не вечно, но для пользования моего от болезни, со всемилостивейшим в чужие края на два года увольнением, в такое место, куда мне лейб-медик Круз непременно ехать для моего спасения советует; и с пожалованием мне, как ничему немущему, и еще по малополучаемому жалованью и долги нажившему, из высочайшей щедрости на время моего в чужих краях пребывания, как на пропитание, так и на проезд». Он заверял также, что поездка будет небесполезной и для его служебных запятий: «А остальное время моего в чужих краях бытия употребится на приобретение познания в языках чужестранных, а паче в том, что мою к службе способность умножить может». В заключение проситель дипломатично намекал, что его просьба не вызывает возражения со стороны непосредственного начальства: «А что я действительно болен, свидетельствуюсь в том моим начальником».

Елагин действительно сделал все возможное, чтобы устроить дела своего подопечного. Разрешение на поездку, выдача жалованья и паспортов были оформлены за неделю со 2 по 8 февраля. По первоначальному проекту Лукин должен был получить жалованье в зачет 1767 г. и полностью за следующий год. Елагин обратился к А. В. Олсуфьеву с личным письмом о Лукине (8 февраля), чтобы ему, так как он едет «не только на год, но и

³ ЦГАДА, ф. 11, д. 1015, л. 7—14.

⁴ Ср. его аттестат в «Сочинениях и переводах» (с. 512), где значится, что он прибыл в Пруссию в 1760 г.

больше», годовой начет был произведен с 1 марта, не считая двух заслуженных месяцев. В деле сохранился и черновик официального письма от 7 февраля о выдаче Лукину полутора сотен червонцев из кабинетских сумм. Возможно, эти деньги шли в дополнение к жалованью. Лукин уехал вскоре, и уехал не один. Вместе с ним ехал Алексей Попов, один из первых русских актеров, игравший еще в ярославской труппе Волковых. «По высочайшему ея императорского величества повелению, — писал Елагин А. И. Голицыну 3 февраля, — отправляются от меня в чужие края бывший при мне Кабинета секретарь Владимир Лукин и российского театра актер Алексей Попов; а как им для проезду и пробывтия в чужих краях потребны паспорта, то я ваше сиятельство покорнейше прошу каждому из них особый паспорт не задержав ко мне прислать, ибо я их непродолжительно по высочайшему повелению отправить должен». Одновременно был выдан паспорт и определенному «к навывканию делам Придворной конторы» В. Дарагану.⁵ Документы о заграничном путешествии Лукина и актера Попова заставляют вновь вспомнить о предположении П. П. Пекарского, что Лукин сам был автором «пролукински» ориентированного, по мнению исследователей, «Известия о русских писателях» 1768 г., получившего в литературе название «немецкого» или «лейпцигского». Эта точка зрения забыта, хотя ее придерживался ряд серьезных ученых. По крайней мере в последних работах о биографических словарях XVIII в. имя Лукина дается в общем перечне отвергнутых кандидатур.⁶

В официальных бумагах ничего не говорится о каких-либо конфиденциальных поручениях Лукину во время его заграничного вояжа. Но вскоре по возвращении он получил повышение в чине. 18 декабря 1769 г. Елагин запросил А. А. Вяземского о деле по производству своего кабинет-секретаря, который при нем «по довольному немецкого и французского языков знанию переводы и переписку иностранную отправляет», в надворные советники и 11 января 1770 г. получил ответ, что Сенат решил этот вопрос положительно еще 18 декабря истекшего года.⁷

Второе прошение Лукина относится ко времени его службы в Главной дворцовой канцелярии и рисует как круг его занятий, так и материальное положение. «Службу мою продолжал я, все-

⁵ ЦГАДА, ф. 10, д. 505, л. 84—91.

⁶ Энергично отстаивал авторство Лукина Б. В. Томашевский (Ироикомиическая поэма. Л., 1933, с. 705—706; здесь же литература вопроса). В 1951 г. он вновь аргументировал свое мнение на обсуждении рукописи «История русской комедии XVIII века» П. Н. Беркова в Пушкинском Доме. См. также статьи: Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и литературная полемика 60—70-х годов XVIII века. — Русская литература, 1968, № 3, с. 184—191; Динерштейн Е. А. Лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» и его автор. — В кн.: Журналистика и литература. М., 1972, с. 72—87.

⁷ ЦГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 55, л. 231—232.

подданнейший, 28 лет беспорочно. Быв в армии, выслужил четыре похода в войске в Пруссии находившемся. По окончании той войны удостоился я в числе Кабинета вашего императорского величества секретарей препроводить десять лет, а ныне пятый уже год служу в Главной дворцовой канцелярии. Находясь еще в Кабинете имел я всеподданнейшее счастье быть от вашего императорского величества избран к посылке в чужие края в 1771 году, в которой пробыл близ году и исправил все порученное с должной ревностью и успехом». Сейчас, как он пишет, «не только должность прилежного судьи, но часто по трудным делам должность секретаря, а по окладным, как по нужнейшим сего места, должность камерира несу с удовольствием, и могу в том надеяться на свидетельство господина Елагина<...> Со стороны чинув я, всеподданнейший, доволен, но со стороны пропитания ощущаю ежегодно большую нужду, а на старость лет себе и возрастающим двум дочерям вижу самую плачевную дорогу<...> Я получаю жалованья 750 рублей, а в статусе дворцовом положен статский советник с жалованьем по тысяче рублей, по оному нет уже 4 года». Прошение (автограф) не датировано, но на деле есть приписка, что в 1782 г. Лукин был пожалован статским советником и, таким образом, должно быть, получил просимое место.⁸ Особенно важна здесь ссылка на то, что 1771 г. Лукин провёл в Европе, с деловыми поручениями. Именно летом 1771 г. в Ливорно вышел французский перевод «Лейпцигского известия» с рядом вполне сознательных изменений и уточнений текста, которые можно считать авторскими.⁹

Отец Лукина был придворным лакеем, и его сын не смог попасть в государственное учебное заведение. Предположение П. Н. Беркова, что некоторые места в «Щепетильнике» автобиографичны,¹⁰ находит документальное подтверждение в третьем прошении Лукина. 11 июля 1773 г. он получил в аренду участок екатерингофских дач для постройки дома. Но так как по бедности не возвел там никакого строения, то теперь, в середине 1776 г., просил отдать участок в вечное владение без выплаты аренды и какую-либо сумму на постройку. Он ссылался на то, что не имеет ни крепостных, ни собственного дома,¹¹ никогда не просил пожалований и не утруждал бы императрицу, «если бы не сущая бедность, не умножающиеся лета, и не дети, требующие воспитания». Среди прочего он указывает, что «знание четырех языков и понятие о науках» было приобретено им самим, «без всякия казенныя <...> издержки», и выражает сожаление, что

⁸ ЦГАДА, ф. 10, д. 620, л. 86—86 об.

⁹ Анализ изменений делался неоднократно; указание на литературу см. в статье И. Ф. Мартынова (см. выше, примеч. 6).

¹⁰ Берков П. Н. В. И. Лукин, с. 7—8.

¹¹ Старый дом Лукин вынужден был продать в августе 1774 г. (Вернадский Г. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 22).

«25 летняя служба не подала» ему «никогда способа показать во всей силе своего усердия».¹² Решения по просьбе в деле нет.

Таким образом, усердная служба не принесла Лукину состояния. Шутки сатирических журналов, и прежде всего «Трутня», над богатством Лукина имели для современников более оскорбительный характер, чем мы можем предположить.¹³ Это были насмешки над человеком, безуспешно пытавшимся службой и трудами создать себе положение.

В литературе, посвященной сатирическим журналам 1769—1772 гг., утвердилось мнение, что Екатерина покровительствовала Лукину именно как писателю.¹⁴ Подчеркнем, что в своих прошениях драматург ни разу не ссылается ни на литературную деятельность, ни на театральные успехи. Любопытная подробность. В прошении 1776 г. Лукин употребляет выражение: «...учините меня, бедного чужестранца». Возможно, этой фразой в стиле старых челобитных проситель просто хотел подчеркнуть крайнюю бедственность своего положения. Но в свое время П. Н. Берков очень убедительно обосновал предположение, что псевдоним «Ибрагим Курмамет» во «Всеякой всячине» принадлежал Лукину.¹⁵ Не связан ли этот татарский псевдоним с нерусским прошлым родителей Лукина?

2

Первая и единственная попытка установить биографию Ивана Кондратьевича Голеневского была сделана Р. М. Тонковой на основании его «доношений», обнаруженных в Архиве Академии наук.¹⁶ Прошение Голеневского об отставке, сохранившееся в фондах ЦГАДА, позволяет уточнить некоторые остававшиеся неясными обстоятельства жизни этого поэта и переводчика — его национальность, сословное положение, время приезда в Петербург.

Документ не датирован, но находится среди прошений 1770 г. В связи с одой Голеневского к А. Г. Разумовскому Р. М. Тонкова высказывала предположение, не был ли он товарищем будущих фаворитов по придворному хору. Прошением это не подтверждается. Голеневский сообщает о себе, что прибыл в Петербург в 1744 г., т. е. через два года после елизаветинского переворота, будучи взят в певчие (надо разуметь — придворные) из студентов.

¹² ЦГАДА, ф. 10, д. 620, л. 140—141.

¹³ Например, стихотворная сказка А. О. Аблесимова «Игрок, сделавшийся писцом» (Трутень, 1769, л. 11).

¹⁴ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 281.

¹⁵ Там же, с. 238—239.

¹⁶ Тонкова Р. М. Из материалов Архива Академии наук по литературе и журналистике XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, с. 398—409. В статье Е. Карповой «И. К. Голеневский — поэт ломоносовской школы середины XVIII века» (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1971, т. 414, с. 52—54) использованы эти же сведения.

Значит, он начинал учиться в Киевской духовной академии и, подобно многим приезжавшим в Петербург малороссам, мог быть привечен Разумовскими. Между тем не обязательно, что он был по национальности украинцем, так как упоминает, что имеет польский аттестат на дворянство. Голеневский прослужил певчим 26 лет, одновременно также «упражняясь и в сочинении од, кои подносил ея императорскому величеству». Жалованье он получал ко времени подачи прошения очень небольшое, всего 70 рублей, и просил уволить его за старостью с чином мундшпенка.¹⁷ Решение в бумагах отсутствует, но, судя по данным Тонковой, отставку Голеневский получил.

3

Михаил Иванович Попов, неутомимый переводчик, поэт и драматург, начал литературное поприще при поддержке Новикова, который в 1766 г. напечатал его первую книгу — «Две повести: Аристоневы приключения и Рождение людей Промифеевых» (переводы романов Фенелона и Менье де Керлоу).¹⁸ Близкие отношения с Новиковым Попов сохранял всю жизнь. Он был сотрудником «Трутня», а затем делал переводы для «Типографической компании». Однако издателем его книг был не один Новиков.

Основной труд Попова — собрание его сочинений «Досуги» вышел, как это указано на титульном листе, «на счет Кабинета» Екатерины II. В бумагах Козицкого, бывшего посредником между императрицей и многими современными писателями, имеется переписка об издании этой книги. Попов подал прошение на высочайшее имя, суть которого Козицкий резюмировал в следующих словах: «Как ваше императорское величество дозволили уже некоторые его переводы на счет кабинетский напечатать, то всеподданнейше просит приказать и сочинения его на оный же счет напечатать». Между тем библиографии не указывают переводов Попова, вышедших на казенный счет. Возможно, имелся в виду «Освобожденный Иерусалим» Тассо (1772), изданный Собранием, старающимся о переводе иностранных книг; не исключено, что речь шла о каких-то изданиях без имени переводчика.

Разрешение было получено 20 июня 1772 г. По-видимому, состав сборника прошел как бы предварительную цензуру, ибо уже извещенный о благоприятном исходе дела Попов, посылая часть перебеленных для типографии рукописей, к своему письму от 22 июня приложил роспись сочинений и переводов, «которые соблаговолили указать напечатать». Из контекста не удается выяснить, кто знакомился с проспектом книги и кто «соблагово-

¹⁷ ЦГАДА, ф. 10, д. 584, л. 321.

¹⁸ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с 55—56, 101—103.

лил» его утвердить в окончательном виде,— Козицкий или сама Екатерина. Автор просил напечатать полный завод издания, т. е. 1200 экземпляров, и парадных — 10 экземпляров на александровской бумаге и 40 на любской.

В тот же день Козицкий переслал первую часть «Досугов» А. А. Вяземскому. В сопроводительной записке Попов назван «регистратором». Дело завершается второй (недатированной) запиской Попова, в которой он сообщает, что представил второй том сборника.¹⁹ Даты переписки позволяют считать, что книга вышла в свет в конце 1772 или в самом начале 1773 г.

4

Цензурная история самого замечательного журнала Новикова «Живописец» издавна привлекала внимание исследователей. Методом косвенных, часто весьма остроумных сопоставлений и толкований была установлена зависимость между содержанием отдельных номеров и неперIODичностью их выхода в свет.²⁰ Все это важно и для изучения общественной позиции Новикова, и для понимания литературной полемики, которая велась «Живописцем». Однако взаимоотношения издателя с правительством не были просты и прямолинейны.

Новиков начал «Живописец» завуалированным посвящением императрице как автору комедии «О время!». Неудивительно поэтому, что вскоре он счел нужным поднести ей первые номера своего нового журнала. В бумагах Козицкого, приготовленных для доклада, имеется запись об этом: «Николай Новиков всеподданнейше подносит вашему императорскому величеству издаваемые им листы». Это произошло или 31 июля 1772 г., или несколько ранее, так как в этот же день Козицкий написал кабинет-секретарю А. В. Олсуфьеву письмо следующего содержания: «Ея императорское величество изволило высочайше указать мне отписать к Вам, чтобы Вы господину Новикову, который принесет к Вам сие письмо, приказали выдать двести рублей. Я исполняю повеленное». При письме сохранилась записка от того же 31 июля, рукой Козицкого, с надписью «копия». Она обращена непосредственно к Новикову: «Приложенное письмо отнесите сами, по надписи, кому оно надлежит; оно послужит к облегчению трудов ваших в издаваемых вами листах». Не исключено, что текст записки воспроизводит словесное распоряжение Екатерины.²¹

Издание «Живописца» началось в апреле 1772 г. К концу июля Новиков мог поднести более десяти листов журнала. Трудно пред-

¹⁹ ЦГАДА, ф. 10, д. 589, л. 450—454.

²⁰ Из последних работ этому вопросу посвящена статья В. В. Пухова «К истории издания „Живописца“ Новикова» (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1967, т. 321, с. 259—263).

²¹ ЦГАДА, ф. 10, д. 590, л. 50—51.

положить, что эти номера были для Екатерины еще не читанной новинкой. Выражая благожелательное отношение к издателю, она была, должно быть, удовлетворена и направлением его издания.

Это заставляет отнестись более осторожно к поискам выпадов личного характера в адрес императрицы со стороны Новикова, по крайней мере в первых листах журнала. Если бы они были, то вряд ли бы августейшая читательница их не заметила.

Следует также напомнить, что в 5-м листе «Живописца» был напечатан известный «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***». Обещанное издателем продолжение долго не появлялось. Только в 13-м листе Новиков поместил статью «Англиская прогулка», где устами своего собеседника (и, заметим, единомышленника) объяснился с читателем по поводу смысла «Отрывка», толков вокруг него и намекнул на причины, по которым остановилась публикация. Продолжение (по некоторым соображениям переработанное и смягченное)²² появилось сразу же вслед. Оно было одновременно и окончанием, так как предполагавшееся описание поездки в деревню Благополучную никогда не было напечатано. И обещание издателя и особенно текст «Англиской прогулки» давали умеренное толкование отрывка: Новиков ссылаясь на факт существования дурных помещиков и обещал поговорить об образцовых. Невозможно предположить, что собеседник Новикова в «Прогулке», «почтенный человек, который превосходителство поставляет не в пышности названия, но в доброте сердца», фигура полностью вымысленная. Среди влиятельных лиц в Петербурге Новиков имел не только противников, но и защитников, хотя первые, судя по купюрам в тексте той же «Прогулки», были много сильнее и решительнее. В подобной ситуации награда императрицы была для Новикова важна как полугласная моральная поддержка. Чем она была на самом деле — оплатой уже проявленной умеренности или авансом на ближайшее будущее в счет удобного Екатерине направления журнала, этот вопрос невозможно решить без дополнительных сведений. Не исключено, что и в этом случае мы встречаемся с попыткой воздействовать мирно на неугомонного журналиста, которого в конце концов пришлось все же признать неисправимым фанатиком.

Журнальная критика дурных помещиков, так же как и теория «виноватого приказчика» в комической опере, не могла вызвать раздражения в императрице. На нее необузданный произвол русского дворянства тоже производил удручающее впечатление, и она не без основания считала, что благородное сословие рубит опору, на которой держится внутреннее спокойствие государства. Екатерина предвидела пугачевщину, а впоследствии боялась ее повторения. Понимание ситуации слышится в ее записке к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, человеку, облеченному

²² Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 206, 283.

личным доверием, в связи с обсуждением закона о наказаниях крепостным. Здесь прямо говорится, что «генерального освобождения несносного и жестокого ига (от крепостной зависимости,— В. С.) не воспоследует». Но вместе с тем автору ее ясно, что «положение помещичьих крестьян таково критическое, что кроме тишины и человеколюбивыми учреждениями ничего избежать не можно... Ибо если бы мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и против воли нашей сами оную возьмут рано или поздно». «Небезнуждно,— добавляла Екатерина,— чтоб не я одна сие только чувствовала, но и другие оглянулись в своих предубеждениях».²³

Точно так же как издателями писем Новикова к Козицкому по непонятным причинам опущено приведенное выше письмо Козицкого, не была ими отмечена и собственноручная записка Новикова, датированная 1 января 1774 г. Она свидетельствует о получении им от Козицкого пожалованных императрицей 200 голландских червопцев.²⁴ В это время из периодических изданий Новикова выходит только «Древняя российская вивлиофика». Тот факт, что Екатерина субсидировала это дорогостоящее и пользовавшееся ничтожным спросом издание, известен. 3 ноября 1773 г., сразу после разрешения использовать для публикации материалы Московского архива, Новиков получил тысячу рублей из кабинетских сумм.²⁵ Еще один крупный взнос спустя всего два месяца свидетельствует, что Екатерина склонна была видеть в «Вивлиофике» своего рода научно-исторический официоз. Основанием для отнесения денег именно к историческому журналу Новикова, а не к какому-либо другому из его изданий, служит тот факт, что напечатанные к 1774 г. книги «Офицерские упражнения» и «Путешествия Белевы»²⁶ по недостатку средств до 1777 г. оставались невыкупленными Новиковым из типографии Академии наук.²⁷

²³ Оснадацатый век, т. 3. М., 1869, с. 390—391. Письмо предположительно датировано осенью 1775 г.

²⁴ ЦГАДА, ф. 10, д. 593, л. 12.

²⁵ Летописи русской литературы и древности, 1862, т. IV, отд. III, с. 44

²⁶ Новиков упоминает их в письме Козицкому от 22 июля 1774 г. как уже переплетаемые (там же, с. 45).

²⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 1. М., 1962, № 464, 8604.